

## АНТОНОМАЗИЯ

### Примеры

А уж когда смогу... – так будьте уверены: я не только тем, кому должен – я всякому русскому подарю, возверну самое главное – надежду! Веру в то, что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать! 4-2-108

– За Бэкона! – Михаил сдвинул свою к поднятым. Выпили. И только тогда Винфрид поправил: – Ты, Михаэль, ещё не всё правильно говоришь. Надо: Васон – Спекс, бекон. За бекон! Понял? «Хоть я и пьян, но за свиное больше пить не буду! Всё я правильно: за Фрэнсиса Бэкона! Ещё в Киеве его „NovumOrganumscientiarum” читал...97 Сколь он в нём уважительно Аристотеля правит! Фрэнсис со своей индукцией мне пуда лучшего бекона мира дороже. Какие тут хряки?! Только вдумайтесь: „То, что все лебеди белы, для нас достоверно, пока не увидим чёрную особь”. Или вот ещё: „Формой” теплоты является движение мельчайших частиц тела.” Вот это Бэкон!» 4-2-106

Так денег ещё добавим, передадим через Феофанова доглядатая. Изюмного, что ли? Нет! Как его? Виноградова. Тогда поверит. И письму, и деньгам. 4-2-86

Да, как только один остался, а Сковорода и к вечерне не пришёл, сам беспокоиться начал. В окно посматривать, да дверь приоткрыл, чтоб шаги того услышать. А хитрая эта сковородка того и ждала. Кричит под окнами: «Что, соскучился, валенок холмогорский?» 4-2-67

Димка Виноградов, желая растормошить друга, в дни путешествия называл его Ноем: – Закрыв нас в каюте, как в ковчеге, – подталкивал он Михаила в бок. – Смотри: земля! Твой Арарат, – указывал он на маяк и высоченный шпиль, пронзавший небо на горизонте. «Я Ной только для своих чувств, желаний и жизненных правил», – Миша обнял Диму за плечи и прижал к себе:

4-2-53

– Зови Михаилом. А коль что захочешь и за мной записать, так Михаилом Васильевичем, – он протянул Грише руку и пожал маленькую совсем ладошку с тонкими музыкальными пальчиками. – Ты на клавесине, что ль, играешь? – Ну... Ещё на флейте да скрипке. Ну и на бандуре... И на гусях... – Григорий растирал сдавленную руку. – Ты больше так не дави. Тебе только бубен... У тебя ручищи, как у моего двоюродника. Он типографом<sup>12</sup> в Лавре... У него и фамилия по рукам его: Зверьяка<sup>13</sup> 4-1-615

– А тебя как по роду? – Гриша в ожидании глядел на Михаила. – Ломоносов. «Ну, у московитов и фамилии!» – Сковорода, на всякий случай, бочком отступил на два шага. –4-1-615

– Сковорода! – из раскрывшейся двери выглянул монах. Паренёк встал, пригладил волосы и шагнул в залу. – Ломоносову – ждать, – донеслось оттуда. «И как живут с такими фамилиями? Пршлую ночь были в хате Печиборща. С Москвы ехал в телеге Неберикуги. В обозе при сивой лошади рыжий Убийконь. Этот смышлёный – Сковорода. Слыхал про Ковша, Пробыйголову, Забыйворота...» 4-1-612 – Ломоносов! С Черниговщины? До дому вернулся? Добре! Михаил хмыкнул: «Тогда я был бы Перебейнос».

Хорошо хоть в школу Навигацкую в первые дни ходил. Познакомился. И после у Магницкого бывал. То правда: магнит он. 4-1-598

76 В Московской академии было восемь классов: четыре низших (фара, или аналогия, инфима, грамматика, синтаксима), два средних (пиитика, риторика) и два высших (философия и богословие). Учеников старших классов называли студентами. Перевод из младших классов зависел от успехов ученика (напр., М. Ломоносов прошёл «фару» за два с половиной месяца, «инфиму» – за три, а «грамматику» за полгода). В синтаксисе и пиитике занимались по году, в риторике и философии – по два, в богословии – четыре. 4-1-508

– А и тебе за год не перетаскать, – малой уважительно оглядел Мишину фигуру. – Ладно уж, дяденька. Ступай за мной. Не буду боле кусать, коль ладом вести себя будешь. А хошь, так вместо оккупаций<sup>74</sup> сегодня сведу тебя в библиотеку к Киприанову? Ты потаскаешь, а я тебе за то полпирога дам куснуть. Тебя самого не возьмут. К новеньким доверия нет, понял? – Что за оккупация? – Миша перед воротами укоротил шаг. <sup>73</sup>Шесть денег, или три копейки в день, составляли «довольствие» ученика низших классов Академии. Ученикам старших классов с 1724 г. платили 4 копейки в день. Жалованье выдавали раз в месяц, часто задерживая. <sup>74</sup>Домашние задания в Академии назывались оккупациями (с латинского occupations), упражнения и задачи в школе – экзерцициями (exercitiae). 4-1-503

Ещё писал владыка: «Горку можно строить так, что по ней не вниз дитё покатится, а вверх подыматься будет!» И о другом: «У нас ребятня в школе сама себе прозвища придумывала, и порядок через то поддерживала. Тягались, кто кого на землю свалит и кто кого в учёбе превзойдёт. Императоры!»<sup>66</sup> Я по его примеру в каждом классе десятских <sup>67</sup>ставлю. Ребят не в том заведомый интерес. И ещё писал мудрец ростовский, что уходили из школы только болезные да по семейной нужде. А у нас? В первое время за год до следующего лета из сотни и половина не удерживалась. Владыка Димитрий предсмертно на свои деньги направил сюда смышлёного одного. Микиту Савина<sup>68</sup>. <sup>66</sup>Лучший ученик в школе, открытой владыкой Димитрием при Ростовском архиерейском дворе, назывался императором и сидел впереди на особом месте. Император спрашивал уроки, ставил отметки, объяснял и повторял уроки, смотрел за порядком. О порядках в школе писали Ярославские епархиальные ведомости в 1863 г., на них ссылался И.А. Шляпкин в соч. «Св. Димитрий Ростовский и его время» (1891 г.). <sup>67</sup>Л. Магницкий ввёл в практику Навигацкой школы выделение из числа лучших учеников «десятских», которые в своей десятке надзирали за поведением и порядком 4-1-498

Так мимо побегай на Срётенку<sup>57</sup>. Там башню издали видеть. Миша, поблагодарив, набрал охапку поленьев: «Срётенка. Сретать. То значит встречать. Идти на встречу. Вот же какое правильное для завтрашнего дня название». 4-1-487

<sup>47</sup>Сысой – колокол, отлитый при ростовском митрополите Ионе Сысоевиче в 1688 г. мастером Флором Терентьевым. Колокол весом около 2000 пудов (32 тонны) установлен в специально построенном для него здании, рядом размещаются остальные колокола. <sup>48</sup>Наименования частей колокола антропоморфичны: верхняя часть – голова, или корона, отверстия в ней – уши, далее плечи, пояс, юбка, губа. Язык – металлический стержень с утолщением в конце (яблоком), которым били по краю колокола. О колоколах соборной звонницы Ростова Великого см. статью кандидата богословия, иеродиакона Романа (Огрызкова) «Колокола соборной звонницы Ростова Великого» в сб.: История и культура Ростовской земли: Материалы конференции, 2012 г 4-1-467

«Мать моя приняла от царя, помазанника Божия, плод. То благая весть. Меня о том тайно через Миней оповестила. И местечко правильно называется: Тайнинское. Тайна и явь. Всё здесь соединилось» 4-1-474

Тут ещё при Алексее Михайловиче голландский ружейный заводик держал. Да кругом всё царское... Полки гвардейские тут шли. И сам Пётр Алексеевич –

Двиной и посуху, вдоль Ваги. Заметил, какие названья кругом у рек да деревень? Местные. Вековые: Марека, Юмзеньга, Ледь, Паденьга. Речушки изгибом, бережком крутым песчаным, дома крышей покатою языку нашему созвучны! Деревушки Звоз, Борок, Тужилово. На Тарнюотворотку приметил? А тут, где царские полки дневали, – Петровская, Романовская, Семёновская – это уж иное. 4-1-445

– Эвон изба моя. Отдельно стоит. Ближе к соснам. Фёлово. То от феллахов название. Крестьян египетских. Понял? Да что я тебе... Ты-то ведь знаешь... 4-1-443

**А сколько имён слух ласкали:** Нальё-остров, Микифоровка, Палишина гора, Езов луг, Юрмола, Низова гора, Чёртищева пустынь, Ельник, Богоявлёнка<sup>21</sup>, Шанешкино болотце. Варькина загорода. Лисестрова опушка... 4-1-427 \*\*\* Топонимы Курострова: Нальё-остров – низина с заливными лугами и пожнями, Микифоровка – пожня на Нальё-острове; Палишина гора – высокое место Курострова, вокруг горы кольцо деревень; заливной Езов луг – место гуляний куростровской молодёжи после того, как спадёт вода; Юрмола – низменная часть Курострова; Низова гора – отлогий холм, с которого видна Курополка и низина Нальё-острова; Чёртищева пустошь – пожня за песчаной отмелью при соединении протоков Матигорки и Курополки; Ельник – роща с языческим капищем на северо-западе Курострова; Богоявлёнка – речка, отделяющая Куростров от Ухтострова.

Владыка Феофан, привыкший в последние годы к этакой неразберихе, к суете и к тому, что каждый на себя государево одеяло тянет, выжидал. В карманах у него с дому заготовлены были три бумажки. На одной писано с уклоном: Анна Иоанновна. На другой выведено любезно: Елизавета Петровна. А на третьей одно только, да уж твёрдо и подчёркнуто, с нажимом: Миша. 4-1-382

Всё после Петра пошло наперекосяк. „Ми... Ми...” – не мог уж Государь ещё двух букв произнести. Сил не хватило! На всё хватало его, а вот чтоб после себя правильного наследника России дать... И надо-то было только выдохнуть: „-ше”. Был бы сейчас, пусть и бастард, да тот, при ком этой вот пятилетней глупости не было б. И законно было б всё. И тому порукой – моё, Макарова да ещё кое-кого веское слово... Уж мы бы... боль-ше. Доль-ше. Краше. Луч-ше. Да, в общем, всё бы наше!» 4-1-377

А вот: «Зачем кривенького Красивусеньким называть? Или Чоликом за то, что он Ч не выговаривает? Иль Лохматым – того, на ком борода не растёт?» Иль ещё пристал: «Почему тебя одного Старым кличут, когда вон Никифор уж давно в домовине засыпает?» Так вот, говорит: «Хочешь узнать?» Заучи: «Монсеньор Людовик Делиль де ла Кройер. И с поклоном. С почтением – и чтоб я его на тебе видел, а не догадывался» 4-1-273

И вот уже пять лет жил у лопарей. Они после первой зимы ему своё, новое имя дали. Его царское «Василий» не прижилось: нет у этого народа царей да князей. Отечественое «Пушков» они тоже не приняли: очень уж мягка фамилия для гранитного старика. Назвали его по гибкому уму да твёрдости духа, объединив невозможное: Пушков-Кэ́рр Чо́гк<sup>201</sup>. К мягкой фамилии добавив твёрдость гранита и остроту ума. И он, когда услышал, понравившееся повторил на свой манер: «Мягкий гранит». 4-1-189\*\*\* На саамском – кэ́рр – твёрдый, чо́гк – острый.

Вот и сидели теперь возле трески только Миша да Старый – Мягкий гранит. 4-1-189

Вот у иных прозвищ такая же судьба. Прилепится к тебе от острого на язык да меткого на слово соседа. Залетит в карман, приживётся там. Сколько уж лет пройдёт, а прозвище твоё впереди тебя к людям бежит. Сам ты о нём последним узнаешь. Услышишь, усмехнёшься, да и сунешь обратно: оно теперь тебе родня. С твоим именем через черточку связано 4-1-188

– Мы туда ни в жизнь не хотели. Нас тогда у Матки – ну, Новой Земли то ж, льдами зажало и понесло. Компас прямо на север кажет. Все дни в чистых рубахах, с жизнью попрощавшись, лёд

скальвали да дрейфовали, невесть куда. Ганька Верещагин так и вовсе заговариваться начал. И когда он под утро в крик: «Землю вижу», ему сперва и не поверили. 4-1-179

– Мātā да, Матвейка тут, – лопáрь, что каждую зиму подряжался караулить их становище, беспокойно заёрзал. 4-1-171 \*\*\* Лопáрь – саам, представитель финно-угорской народности. Лопь – такое наименование саамов с XII в. встречается в русских летописях

Моряна вывалила из-за горизонта облака и сотворила из них стену 4-1-170

– То и не матушкино, а Экклезиастово. И там так: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать и время...» Но ту же прерван был отцом: – Я те понаслаждаюсь бездельем. ДыдлаКлезиастова! – «Насаждать», батюшка. Так в Библии у Экклезиаста, в главе третьей. «Время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать и...» 4-1-170

Отлив обнажил волнами отмытое от серости красное подножие хмурых скал. До ломоносовского Кеккурского становища оставалось совсем немного: всего один Никола. «То до Колы184 их пяток, а нам до Буторина мыса одному помолиться. В Колу сейгод не идём». 4-1-168

Сойма вчера миновала далеко выступающий в море мыс Святой нос. 4-1-168

Тут показались ещё два красных шпиля. Покороче. И словно насадили на них, как на пики, три заветные слова, которыми жил всю зиму. Вера, Надежда. И на верхний, острый самый – Любовь 4-1-146

Вот рынок у Соборной пристани... Там он ей первый подарок в руку сунул – каргопольскую птичку-свистульку. Вдалеке берёзы, под ними домик Каргопольского, там танцы разучивали 4-1-130

Что теперь, весь вечер за башмак, как птица на ветке, коготками держаться? Ворона... «Ворона из города Верона» – тут же пришло ему в голову. – Экая дурь... Я город представляю, а тут глупость. 4-1-120

«Кит-ти. Кит-ти, – часовым маятничком звучало в его голове. – Кит-ти. Кит-ти. Не проспи своего счастья». Миша закрывал глаза, засыпал, покачиваясь на волнах своих юношеских грёз. 4-ё-104

А гости всё шли. И Каргопольским велено запоминать всех. Вот вошёл вертлявенький господин. Миша его по кирхе помнил. Тот всегда перед ним садился. Так то оказался герр Вертер Пендел. «Пендель – ведь маятник на немецком... Точно для вертлявого имя... 4-1-120

самим Государём Петром для лучшего обучения в Париж направленный и в Сорбонне лекции слушавший... Иван Каргопольский. Сюда от Московской академии прислан. К вице-губернатору с поручением, а после к владыке холмогорскому в школу словенскую117. Скажу тебе, Ломоносов, я не то, что с носом ломаным – весь переломанный. И пуще всякого, себя сам ломая, в том преуспел... – он опустил голову и пальцами теребил потёртый, давно уж не новый суконный кафтан. 4-1-96

Из молодых, но дело знает. И не только в игре разбирается, но и в механике инструмента. А у нас тут не органетто, а почти шнйтгер. \*\*\* АрпШнитгер (ArpSchnitger, 1648–1719) – немецкий органый мастер XVIII в. 4-1-84

– Убавляем! – отец шутливо ткнул его под рёбра. – Прибавляем! Мишка! Свадьба сегодня!

Забыл... – Замурзая! Замара! – Миша вылез из-под одеяла и потянулся .... Она, замарашка, молча сидит, полотенышком себя обтирает. И они молчат. 4-1-64 у Васи третья, у Иринки-замары вторая. 4-1-65

Кругом одни загадки. Так и должно быть! Это же «Арифметика», Магницкий. Чудо-книга! Так тянет к ней! И имя какое у сочинителя! Кто и дал ему такое? Правильное». 4-1-61

И про себя тихо, ласково добавил: – Заноза! «Заноза» уже прыгал по колодам в свою избу. Книгу, не раскрывая, на стол, и снова на двор. 4-1-45

Игнаша, сосед наш, подсмеивался, что в прошлый раз в вечер Михайло на игрище в избу пришёл, в угол завалился, да всё и проспал, покуда Анютка-безумка, уходя, соломину ему в нос не сунула. Игнаше-то я полотенцем улыбку стёрла. Да ведь моя тряпка коротка, до всех ртов не дотянется. 4-1-27

Первый прокос вёл Северьян Шангин. Крепкий мужик с первого от развилки дорог дома. За ним не отставала Маня Луковка в цветастом платке, словно подобранном под всё луговое. За ней всё ещё незамужняя, тучная соседка Евлаша. В середине пересмеивались Фиса с Лушкой и Маруся. Дед Лука в свои семьдесят семь за ними не отставал. Тут же Дудин Стёпка, Мишин погодок, в рубахе с братова плеча. Митроха-кожевник, который с сапожником Куземкой Мозолью везде парой. Шубный Егор, оглядываясь, портки подтягивает. И ещё многие. Иные едва и знакомы 4-1-36

Они не сговариваясь, взглянули в спину шедшего впереди Миши. – Его ведь ныне – сама у колодца слышала – из Мишки да Мишани в Михайло-Михаилы подняли. Он первую воду черпает. Ране петухов встаёт. Иногда, конечно, вдовы Наталья да Пелагея от Луки приходят. Корову обиходить. Сготовить что. 4-1-27

Миша губы поджал: «Ведь вижу, что отличны цвета. И что согласны меж собой, понимаю. Оттенки различаю. Красоту узора, природой сотворённого. Созвучность изгибов, линий познаю. А не произнесу. Имени тому не найду. То только со мной, что ль, такое? Не все слова, что в запасе у него, Господь мне доверил? Иль отнимать начал? 4-1-24

Пазори, верно, от сходства с красками зорей утренних так зовутся. Так то не страшно. А вот соседка Степанида шёпотом их сполохами называет. Это, получается, от слова „сполошить” – тревожить, беспокоить, значит. Оно тоже верно. Бывало, всё небо, как пожар». 4-1-18

А Федя-тёмной? Прислушивается и лучше тебя скажет, что на улице делается. А сам из всего Божьего мира только молнии от тьмы и отличает. Что ж это? Человек для себя и есть мир?» 3-175

Иная из сердобольных баб Васю Васильком называет. Еленушка да Василёк. Это его-то! Который от рожденья был словно налим-рыба. Усатый да хмурый 3-104

А и попросишь! И возьмёшь по весне чего из их товару до Архангельска или до Мурмана, коль надо им. Еленка себя пересилила, и ты превозможешь. Её-то да куда горше твоего нет. 3-54

А казнили Виллима, понятно, не за это. За чепуху. За рыжей вологодской негоциантки маленькие, в корзинке, рыжички. 2-441

Опять поднимали бокалы. Тискали в умилении котят. Шумахер запихивал их по карманам. Называл чёрно-белого гимназией, другого университетом. Показывал, как лелеет обоих. Потом горделиво голову поднял: – Государь, впредь прошу именовать меня Иваном Даниловичем. А Иоганн-Даниэль – забудьте 2-413

учёными своими познаниями 2-405

Вот и советуйся с ним! Он, коль вздумается, Монса из тебя и сделает. Иль монстра 2-380

8 Марциальные (Кончезерские) воды – первый российский курорт, открытый указом Петра I в марте 1719 г. Незамерзающий родник был обнаружен в 1714 г. молотовым работником Кончезерского железоплавильного завода Иваном Рябоевым. В октябре 1717 г. лейб-медик Петра I доктор Р. Арескин отправил на олонецкие воды своего помощника Л. Блюментроста, сделавшего химический анализ воды и назвавшего её за содержание железа «марциальной» (от имени бога войны и железа Марса). В январе 1719 Пётр I при осмотре Олонецких заводов приезжал на воды, был здесь еще трижды (1720, 1722, 1724). В 1720 г. наградил И. Рябоева за открытие родника, освободил его от податей. 2-370

Куда тут каким-то Алёшкам-бомбардирам... 2-358

Умер Шишечка. 2-253

Но знал бы кто, окромя жены, понимающей всё Соломонида Тимофеевны, сколь нежеланна была канцеляристу работа сия. Но на то она, Соломонидушка, и мудрая<sup>326</sup>, чтоб подсказать: 2-341

Пётр Андреевич Толстой, как только поставлен был Государем во главе канцелярии тайной, да чрезвычайные полномочия следствия по делу царевича на себя принял, так начал с того, что в Трубецком бастионе крепости Петропавловской, в узилище, двери велел заменить. Толстые любил 2-340

При Толстом, правда, ухо остро держать надо. Старый лис. Из сторонников Милославских. Милым должен быть да славным. Как же, верь! Стрельцов подымал. Сказывали, голос сорвал, когда по улицам слободы Стрелецкой скакал на коне и криком кричал: „Царевича Ивана ироды удушили!” 2-335

Марканы и маринеры – так П. Толстой в своём путевом дневнике 1697–1699 гг. называл купцов и моряков. 2-335

И все, поди, в его честь уж названы Петрами... Петра Петровичами. За жизнь сколько раскидал камней... Камней Камнеичей. Всё рассчитал! Везде замена мне. Под каждым деревом по шишке. У каждого камня по камушку» 2-333

Почему-то среди всех женских боле всего Петру нравились те, что на Е: «Вот и Парашку Евдокией нарекли – любил её вроде поначалу? Марта в Екатерину обратилась, Елизаветушку мне родила, второй годик пошёл, мала ещё, красотой, видно, в мать. „Лизеттой” я до того и шняву шестнадцатипушечную, по моему проекту строенную, и терьера гладкошёрстного, и лошадь любимой персидской породы назвал 2-282

\*\*\* 275 Имя Елизавета в галлицизированной форме «Лизетт» пользовалось особой любовью Петра I. Так называлась шестнадцатипушечная шнява, построенная на петербургской верфи по его проекту и спущенная на воду в июне 1708 г. Это имя носили и одна из любимых собак Петра – гладкошёрстный терьер Лизетта, и любимая лошадь царя, кобыла персидской породы, которую он приобрёл в 1705 году.

Он не Романов. Лопухин. Как сорная трава на плодородном поле. И от него произрастут подобные же лопухи. 2-275

А если по-другому посмотреть? Кто ближе всех к истоку родника со смыслом жизни? Кого берём мы за основу, за первоисточник, ответ найти пытаюсь? Платона, Аристотеля или Диогена? Македонского и Цезаря? Или 274 в знании этом свои Эзопы важнее – владыки Димитрий Ростовский, Афанасий Холмогорский, Митрофан Воронежский, смысл жизни не в жизни, а за её пределами полагавшие? Они, приблизившись к разгадке, нуждались разве в землях, в пище сытной, в одеянии богатом? – 2-273

Чтоб о вечном подумать не меж сражений кровавых и возлияний обильных. Чтобы не было рядом августов саксонских, фридрихов прусских, султанов турецких, своих воевод, да вообще никого 2-268

Печаль одиночества **Евой** да книгами развеивать? Только вот найти бы одиночество это ещё – вот как сейчас – на чуть-чуть, на самую малость... Дурную славу **виктория** быстро прогонит. А вот совесть не уколотишь, с ней разве что на пару с **Ивашкой Хмельницким** справиться можно. И то до утра... Так зачем живу? 2-268

А сам сообрази! Расфуфыренному этому, как статуэтка фарфоровая. Шотландскому **фанфарону**. Профессору Абердинскому, что мне ещё к прошлому году со Стефаном, математическим дружкой своим, дорогу со всеми ямами закончить обещал. Так они, видать, те ямы за эти ямы приняли. Их русскому ещё учить! А то нароют нам! Будто у нас самих нет! Да как же его?

– **Фарфарсон. Генри**, что ли, 2-265.

Реальные названия озёр. По ходу Государевой дороги от Нюхчи до Повенца на карте есть и такие озёра: Пил-озеро, Хиж-озеро, Шун-озеро, Выг-озеро, Карб-озеро, Матк-озеро, Сук-озеро, Шонх-озеро, Водл-озеро, Вол-озеро, Рав-озеро, Лан-озеро 2- 218

Но у Европы просвещённой с Ньютонами, Левенгуками, Лейбницами, Галлеями, Людовиками, Леопольдами, Фридрихами не было того, что по смелости замыслов, по упорству и вере в правильность и неизбежность выбранного для страны своей пути, превзойти бы его мог. Не было Петра 2-219

– Прилив начался. Командуй, Государь. Начнём. Государь лицо сморщил: – И скомандовал бы, коль вчера до Собачьего, Кошачьего да Гав-озера<sup>227</sup> не доехал. Мне б ещё в Мяу-лужу насмотреться. Все эти собачьи да кошачьи места безголы. Но вы-то могли б кричать: мол, одумайся, Государь! Почему столь боязненно противились мне? Ведь не проташить нам корабли! Гиблые места. Мужики говорят, тут и верховым болотам глубина по две сажени с лишком.

Погубили б корабли. \*\*\*Реальные названия озёр. По ходу Государевой дороги от Нюхчи до Повенца на карте есть и такие озёра: Пил-озеро, Хиж-озеро, Шун-озеро, Выг-озеро, Карб-озеро, Матк-озеро, Сук-озеро, Шонх-озеро, Водл-озеро, Вол-озеро, Рав-озеро, Лан-озеро 2-218

И тут же скомандовал: – Спустимся, господа Левенгуки, на землю. Делами займёмся.\*\*\* в голландском Делфте в 1698 г. Пётр I познакомился с учёным – натуралистом Антони ван Левенгуком (1632–1723), научившим его пользоваться микроскопом и показавшим систему кровообращения на примере рыб. 2-186

– Вавилоны наши интересны, Государь? \*\*\* лабиринты Вавилон (с древнегреческого Βαβυλών; в переводе с аккадского языка Bābīlī или Babilim – врата богов) – один из городов древней Месопотамии, основан не позднее III тыс. до н.э. Во II-I тыс. до н.э. столица Вавилонского царства – одна из великих держав древнего мира 2-186

Вдруг из-за двери донеслось Петрово, гневное: – Навару мало?! Я те, подлецу, навару навалю! Кондратом кличут? Вот, кондрашка тебя и хватит! Раззявай ему рот! 2-127

Крепость Новая Двинка на острове Линский Прилук<sup>155</sup> «Прилук. Что-то улыбочатое. Линский – непонятно. Вот когда в стене, в ходе низеньком, что для вылазок на неприятеля сооружается, сидел, разговор нечаянно подслушал, так там один другого НечайкойНегодяевым звал. Так тот точно Негодяев, коль про батюшку такое говорил. А Линский?»<sup>2-122</sup>

Река Кукша-Мокса (Кукшимукса) в Беломорском районе Карелии, впадает в Пулозеро.<sup>2-102</sup>

Все от крика твоего и разбежались, каждый за свой облюбованный угол. Оттуда за царём одноглазили. И владыка Афанасий потом тебя в соборе взглядом прожигал: „Государь всех вас за прыжки ваши заячьи да за то, что косились из-за углов, поименовал заугольниками<sup>111</sup>. Всё спрашивал, как такие в море ходют? Море-то безугольно<sup>2-90</sup>

Пятитысячный шведский корпус Я. Делагарди (Jacobdelagardie, 1583–1652) в феврале 1609 г. помог правительству В. Шуйского разбить поляков, освободить Троице-Сергиев монастырь. <sup>2-74</sup>

Позже разобрались, успокоились. Стольник побитый, на стул поднятый, ворчал: – Сам же всё своё нарушашь. Как можно ноне Васькой обзывать? Пётр уж спокойней: – Указывай! То в бумагах ты ноне Василий<sup>54</sup>. А так – Васька, рыбкой нашкодивший. <sup>2-63</sup>

Корешок в гибель шефа не очень-то верил, потому что на один из своих электронных адресов получил письмо, в котором датой отправления было семнадцатое число, а время стояло 17.17. А впрочем, мало ли в жизни совпадений? <sup>5-334</sup>

Тягомотные переговоры с литовским подканцлером с хищным рыбьим именем Щука<sup>47</sup>, обхаживание в делах союзных гуся хитрого саксонского Августа, <sup>2-55</sup>

Вот вы и познакомились поближе. Кубик, разглядь ему пиджачок. Помял, – обратился Семнадцатый к небольшого роста квадратному субъекту. Сергей узнал в Кубике «узколобого» – своего давнего преследователя.<sup>5-330</sup>

– Ты, дурашка, остынь. Вишь, за душонкой твоей охота идёт, – кивнув в сторону медленно проезжавшего дежурного милицейского уазика – «канарейки», – прохрипел узколобий. <sup>5-331</sup>

Почему так аккуратно уложил в свой карман блокнот «коммутатор» Федюня<sup>5-330</sup>

Вот вы и познакомились поближе. Кубик, разглядь ему пиджачок. Помял, – обратился Семнадцатый к небольшого роста квадратному субъекту. <sup>5-330</sup>

В общем, странный этот Серёга. Хромой Пальмин <sup>5-244</sup>

Трасса тут до ремонта сужалась, сколько аварий, помнишь? – Пётр мотнул головой. – Ушком игольным прозвали. <sup>5-279</sup>

За стойкой увидел склонённую светлую голову. Когда проходил мимо, библиотекарь приподняла глаза, и Корешок удивился её портретному сходству с Хелен Хант. «Или с Джоди Фостер?» Он всегда путал этих голливудских актрис. Успел отметить, что Джоди (или Хелен?) улыбалась. <sup>5-230</sup>

Запомни телефон, по которому договоришься о встрече с Феденькой. Федюня у нас вроде как ходячий коммутатор <sup>5-320</sup>

Поговорив ещё немного, они расстались. **Семнадцатый** степенно сел на заднее сиденье чёрной «Волги», а Корешок пошагал к железнодорожному вокзалу. <sup>5-320</sup>

В очках, оснащённых сложной системой отражающих линз, был известный лишь в узких кругах нелегального букинистического бизнеса человек с характерной для его дела кличкой – Корешок. 5-213

\*\*\*\* Во дворе, в школе, и даже дома называли его Кореш, Корешок. Это имя прикипело к нему в седьмом классе, когда он, по телевизору посмотрев детектив, пришёл в школу и стал всех звать «корешами». Одноклассники не откликнулись, а вот за ним с тех пор прозвище закрепилось на всю жизнь. 5-299

Непримечательного внешнего вида, он не выделялся в толпе. И когда стоял не один, а с собеседником, проходящие обращали внимание на товарища Серёжи, а не на него. Он был как корешок одного из многочисленных томов в строю собрания сочинений 5-313

Только теперь понял своего «учителя» Казимира, в их кругах больше известного как Семнадцатый. 5-218

Удивительно точное Вы нашли название: «Печать таланта и святого труда»! 5-220

Третья полка сверху, центр стеллажа. Золотой век русского изобразительного искусства. Передвижники. «Вот их и передвину», – он вынул из строя альбомы Саврасова, Серова и Степанова. 5-227

– Чугуноломщица, – окрестил её Вася.

\*\*\* Они с Васей на самой окраине купили квартиру однокомнатную со старой мебелью у здоровущей, с трубным голосом хозяйки. Не глядя и не торгуясь. Вася только и просил, чтоб речку из окошка было видать. Как дома. – Речка-то где? – спросил Вася, когда уж деньги были отданы, и договорённости тяжёлой хозяйкиной ладонью по столу, словно печатью, прихлопнуты. – Да, эвон, из окна-то перегнись! Осенью лист сдует, и увидишь, – хохотнула здоровая и лязгнула на прощание английским замком. 5-378

Её и в свидетельстве о браке Любовью записали. Отец только наутро в очках и рассмотрел. Секретарь сельсовета к председателю его побыстрее спровадила, а у того будто за пятилетку отговорка готова: – К отчеству есть претензии? Отец оторопел. – А она у нас за год как Любаша народу полюбилась. Лида – холодное имя. Ледяношное. С ним мужа на юге искать надо. Остужать. А нам, к метелям да морозам привыкшим, тепло да любовь в дом с женой приводить. Да и ты что ли Ваське втолковывать будешь, что вчерашней ночью он внука тебе с Лидой выправлял?! 5-377

Так и прожили Василёк с Любовью да в любви 5-377